

А. Д. Сабов²

ПРОШЛОЕ ВСЕГДА АКТУАЛЬНО

Международные Лихачевские научные чтения, которые в этом году проводятся уже в восьмой раз, прочно вошли в перечень тех культурных событий в жизни нашей страны, которым «Российская газета» считает необходимым уделять самое пристальное внимание. Высокий интеллектуальный уровень и актуальная проблематика ежегодных форумов — уже достаточный повод для такого интереса. И все же, для полноты объяснения, надо сказать самое главное: гуманистическое завещание Дмитрия Сергеевича Лихачева просто невозможно исполнить каким-то разовым образом и на том поставить точку. Оно не исчерпывается. Даже если когда-нибудь удастся поднять культуру в жизни общества на тот уровень, о котором он мечтал, а до этого, увы, еще далеко, и тогда у нас не будет причин для успокоения. К сожалению, то, что противостоит культуре, в наш век коммуникации распространяется еще быстрее, в том числе и в закамouflированном под культуру виде.

О какой культуре мы говорим или, вернее, о каких культурах? В названии нынешних Чтений понятие не случайно поставлено во множественном числе: речь идет о диалоге национальных культур, озабоченных проблемой выживания в процессе мировой глобализации. Этот процесс неизбежно родит и некую наднациональную культуру, которая складывается из множества субкультур на любой вкус. Ряд из них уже обрели конкретные названия и зримые черты: «виртуализация», «макдоналдснизация», «интернет-блоги», посредством которых теперь могут общаться люди в разных концах земли, «гламур» — целое направление в современной культуре, ставшее образом жизни молодежных элит.

Как же рядом с этой стремительно наступающей интернациональной культурой, балансирующей на грани реального и виртуального, смогут сохраниться и сосуществовать культуры традиционного типа, особенно культуры малых народов? На Западе давно в ходу термин «мультикультурализм», смысл которого можно передать известным китайским афоризмом «пусть расцветают сто цветов». Вот это «пусть» академику Лихачеву и казалось решитель-

но недостаточным. Потому он и посвятил последние годы своей жизни разработке «Декларации прав культуры», которая поставила бы эту сферу общественной жизни под защиту международного законодательства и законодательства национальных государств. Но, как известно, прав без обязанностей не бывает, вот почему Дмитрий Сергеевич постоянно подчеркивал связь общественного статуса культуры с ее общественной востребованностью.

Средства массовой информации постоянно включены в общий культурный процесс, своими публичными оценками влияют на его ход и развитие. Если говорить о мире культуры в самом широком смысле слова, имея в виду те самые «сто цветов», можно привести немало примеров, когда это влияние плодотворно. Но бывает и так, что наши оценки расходятся с массовым восприятием тех или иных явлений, особенно в сфере массовой культуры. К этому-то феномену, который, наверно, справедливо определить понятием «новый масс-культ», и хотелось бы привлечь внимание.

Сейчас все шире входит в моду так называемая адаптированная литература, а вслед за ней и адаптированная история. Перьями неведомых редакторов произведения литературной классики специально подвергаются такому препарированию, чтобы «проглотить» их можно было за пару часов до экзамена или за один пляжный сеанс. Этот новый тип «образованщины», если воспользоваться известным выражением А. И. Солженицына, пришел к нам из-за рубежа, где самое успешное коммерческое издание «Войны и мира», помнится, оказалось в четыре раза короче оригинала. Кстати, ни компьютеров, ни Всемирной сети тогда еще не было.

Теперь же Интернет — важнейшая часть культурного процесса. Он небывало расширил доступ к информации, знаниям. Но можно ли закрывать глаза на то, что именно там, во Всемирной паутине, сложилась целая индустрия «образованщины»? За вполне доступную плату можно скачать рефераты, игры на любые литературные, исторические, общесоциальные темы. Конечно, и среди них далеко не все заслуживает однозначно негативной оценки. Повод для общественной тревоги возникает там, где «виртуальное решительно берет верх над актуальным». В этом смысле наибольшую опасность представляют спекулятивные версии исторических событий, которые не только подменяют факты

² Политобозреватель «Российской газеты» (Москва).

мифами, но и сознательно искажают историческую ретроспективу.

Что можно этому противопоставить? Конечно, не цензуру, она запрещена конституцией демократической России. Ответ один: в судьбах отечественной культуры должны деятельно участвовать все, кому она дорога. Часть этой задачи ложится на СМИ, которые изо дня в день соприкасаются с многомиллионной читательской и зрительской аудиторией. Нужна — по-другому и не скажешь — самомотивация граждан в защиту культуры, в том числе и в журналистской среде. Сегодня нам никто не дает указаний сверху, что поддерживать, что критиковать, это наш собственный выбор. Время, когда наши СМИ считались «приводными ремнями» одной правящей партии, одной господствующей идеологии, прошло и больше не вернется. Теперь от самого журналистского сообщества зависит, на какой высоте ставить планку своей профессиональной ответственности за состояние дел в стране, в том числе и за состояние нашей культуры.

На страницах «Российской газеты» в течение ряда лет острой критике подвергались школьные учебники по истории, порядок их отбора и утверждения. Очень скоро после распада СССР, когда были написаны новые учебники, стало очевидно, что деидеологизация школьных программ обернулась новыми мифами и отступлениями от исторической правды. Да, с одной стороны, нельзя декретировать авторам, что и как писать, но, с другой стороны, учебник — не монография, в которой можно изложить любую точку зрения без оглядки на оппонентов. После долгих споров о том, можно ли вообще создать полностью деидеологизированный учебник, пришли к выводу, что это вряд ли осуществимо. Ведь и авторы, и педагоги, и родители придерживаются разных взглядов на историю: кто-то смотрит на нее «слева», кто-то «справа». В конце концов, победила идея вариативных учебников, допускающих известные отличия во взглядах на исторический процесс, но не подвергающих сомнению «святые темы», такие, например, как подвиг нашего народа в Великой Отечественной войне. Изменился и порядок утверждения новых школьных учебников. Теперь их экспертизу проводит Академия наук, тогда как Академия образования отвечает за дидактическую сторону дела. И постепенно страсти улеглись, споры затихли. Не могу не отметить, что в разрешении проблемы исторических учебников, которая так волновала когда-то нашу общественность, самое деятельное участие принял президент В. В. Путин.

Но обозначились новые проблемы, теперь уже на «постсоветском» пространстве. Академик А. О. Чубарьян однажды отметил, что во всех бывших советских республиках сейчас происходит «национализация», или «суверенизация», истории. В результате определилось 8–10 болевых точек, по которым историки стран СНГ придерживаются разных, иногда диаметрально противоположных взглядов. Это констатировали руководители институтов истории национальных академий наук, когда они встретились впервые за 15 лет.

Наверное, следует признать справедливым упрек историков стран СНГ в том, что в советское время их национальные истории считались, по существ-

ву, краеведением. В результате, как выразился один из украинских историков, «сплошного потока национальной истории у нас не было». Советская историография заметно преувеличивала добровольность присоединения бывших республик к России, или Советскому Союзу. Отсюда ироническое замечание одного из казахских авторов, что «этносты и государства с радостью теряли свою независимость». Все это и привело к неудержимой ревизии нашей общей истории. Что раньше называлось «добровольным вхождением», теперь стало «принятием подданства», «колониальным захватом» и даже «оккупацией».

В трудах казахских историков можно встретить утверждения такого рода: «Россия специально провоцировала джунгарские нашествия, чтобы потом спасти казахов». После того как президент Назарбаев раскритиковал «новых историков» Казахстана за субъективизм и лоббирование групповых интересов во время проведения тендера на написание учебников, можно надеяться, что коррективы в учебники будут внесены.

Но вот чем примечателен этот факт. В то время, как президенты двух стран неустанно призывают укреплять Содружество, искать пути для интеграции, сохранять общее культурное достоинство наших народов, люди с учеными званиями, увлеченные «национализацией» истории, упрямо разваливают этот проект. Что же тогда говорить о случаях, когда видение прошлого и будущего у историков и политиков совпадает? Антироссийские тенденции в Грузии и на Украине открыто поощряются политическим руководством этих стран. Мы уже не можем договориться с украинскими историками ни о Богдане Хмельницком, ни о Мазепе — для них Переяславская рада 1654 г. стала началом закабаления украинского народа, а Мазепа — символом освобождения от «русского ига». Происходит публичная реабилитация националистических движений, сотрудничавших с нацистами в годы войны. Оранжевая власть спешно подбирает себе новых национальных героев, без стеснения следуя только одному принципу: герои — это те, кто в разные времена боролся с «москалями». Чего стоит одно перечисление фигур: Мазепа, Выговской, Петлюра, Бандера.

Справедливости ради надо сказать, что и у нас предпринимаются попытки реабилитировать, например, генерала Власова, генерала Краснова, якобы невинно пострадавших от советской власти. По большому счету, чем они отличаются от новых украинских героев вроде Бандеры? Может, не служили нацистам? Служили, и очень усердно. Решительное отличие тут не в фигурах, а в отношении к ним. Тогда как наши соседи на подобных мифах уже открыто строят новую национальную политику, в России существует широкий консенсус власти, науки, большинства СМИ и абсолютного большинства граждан, основанный на едином понимании своей национальной истории.

Тем важнее диалог историков, сознающих, что истина нужна народам, а не политикам, уже переступившим или готовым через нее переступить. Мне кажется, именно это чувство и побудило участников второй встречи историков СНГ задуматься о написании учебника нашей единой истории. Трудный проект, с ходу его не поднять. За 17 лет после

«развода» накопилось слишком много взаимных претензий друг к другу, но больше всего — к России, бывшему «ядру империи», правопреемнице СССР. Лишь армянские историки заявили, что испытывают только благодарность к России. У белорусов две старые обиды — одна на царскую власть, не признававшую их самостоятельным этносом, хотя она же помогла им вырваться из «польских объятий» и выжить как нации, другая — на советскую власть за то, что в 1921 г. западные белорусские земли опять отошли к Польше. Как видите, с армянами и белорусами уже можно садиться за работу, писать общий учебник. Труднее с украинскими историками, их принцип: сначала определиться со своими национальными историями, потом уже написать общую. В целом, так и договорились: сейчас украинские историки пишут историю своей страны специально для российских читателей, а наши историки готовят историю России специально для издания на Украине. Первый шаг сделан, дальше увидим. Что касается Грузии, то ее новые учебники резко осуждают «Георгиевский трактат», по которому она присоединилась к России, но даже не упоминают о том, что он был принят по настоянию самой Грузии. Видимо, эту главу будущей «общей истории» придется пока отложить.

Может быть, я излишне подробно остановился на отношениях с нашими соседями, но сделал это, конечно, неспроста. Было бы большой ошибкой сводить эти отношения только к «дележу советского наследия». Проблема на порядок сложнее. Еще в середине 1990-х гг. Совет Европы создал специальную комиссию под руководством д-ра Р. Страдлинга, поручив ей обследовать учебники по истории всех европейских стран. Вот ее заключительный вывод: если в 1970–1980-х гг. в преподавании этой дисциплины еще преобладал акцент на значение европейской и всеобщей истории, то уже в 1990-х гг. он заметно сместился в сторону «национальных историй». Значит, тенденция глобальная, как теперь принято говорить. Преодолевать ее тоже придется всем миром. Но как?

Тут огромное поле для будущего сотрудничества СМИ с учеными, людьми высочайшей культуры, которые не могут не понимать, что судьба культуры зависит, прежде всего, от атмосферы, в которой ей предстоит жить и развиваться. Атмосферы постсоветской, европейской, мировой. Разговор об этом идет давно. Еще президент Б. Н. Ельцин обсуждал с Г. Кодем и Ж. Шираком проект присоединения России к единому учебнику европейской истории XX в., проект которого выдвинул германский Институт Г. Эккерта. В. В. Путин в 2001 г. дал уже конкретное поручение тогдашнему министру образования РФ В. Филиппову обдумать идею издания «единого для европейских стран учебника по истории». Как раз тогда здесь, в Санкт-Петербурге, проходила конференция «Развитие международного партнерства в сфере образования в России», и прямо с ее трибуны министр с энтузиазмом доложил: «На первом этапе попытаемся сформировать рабочую группу из видных ученых-обществоведов стран Европы, творческий коллектив в экспериментальном порядке должен сформулировать некую концепцию общего учебника истории». И с тех пор — тишина. Дальше намере-

ний дело так и не двинулось. Договориться о концепции не удалось.

Наверное, этому много причин, и даже если верно угадаешь одну, останутся другие. Все же я рискну назвать главную: мы слишком погружены в текущую историю, чтобы задуматься о прошлой и будущей. Американская ПРО, ракеты в Польше, радар в Чехии, наш адекватный ответ. Потом — Косово, и опять наш адекватный ответ. Потом — бухарестский саммит НАТО, где американский президент так надеялся поздравить лидеров Украины и Грузии с приемом в альянс, но если бы так случилось, то опять бы последовал наш адекватный ответ. В этой политической круговерти, конца которой нет, и закаляется, крепнет политика национального эгоизма, которой уже откровенно дышат учебники истории, предназначенные подрастающим поколениям. Конечно, разорвать этот порочный круг трудно, но все же можно. При одном условии: если каждая нация сделает усилие, чтобы преодолеть свое эго. Сподвигнуть к такому желанию может только крупный культурный проект.

Однажды Европа продемонстрировала всему миру, что это возможно. Через три года после падения Берлинской стены 12 историков ЕС выпустили в свет книгу «История Европы», которую написали в ожесточенных спорах друг с другом. Она вышла на шести языках, но с тех пор переведена еще на четырнадцать языков мира, в том числе и на русский. А «раскачал» весь этот вал банкир Ф. Делюш, француз по отцу, норвежец по матери, англичанин по воспитанию. Он руководил проектом и привлек к нему восемь крупнейших издательств Европы. Разделяя его девиз — «школа не должна растить “маленьких националистов”, из которых потом вырастают “большие”», — авторский коллектив с самого начала задался целью создать не историческую монографию, а учебное пособие, которое могло бы служить и учебником.

Мы все думаем, что виртуальная история началась только с появлением Интернета, — ничего подобного, она складывалась веками. Сотни лет жили мифы, которые вошли в сознание людей, став, в конце концов, частью национальных историй. Чтобы отказаться от них, нужна долгая, кропотливая работа. Первое слово — историкам, призванным отличить правду от мифов. Затем — политикам, обязанным официально подтвердить, что отныне сумеют их различать, и, наконец, людям культуры, способным «зажечь свечу» для всех. Именно так, с разборки вековых завалов, и начали двенадцать авторов «евроучебника». По требованию немецких историков «нашествия варваров на Рим» в этой книге пришлось заменить спокойной формулировкой «германские походы». Родиной прав человека признается не республиканская Франция, а монархическая Англия, поскольку она на полтора века раньше обзавелась национальным парламентом. 11 из 12 историков сочли Наполеона «врагом Европы», а генерала де Голля — «националистом», и французам пришлось эти оценки принять.

Если этот первый в истории космополитический учебник охватывает историю континента от Атлантики до Карпат, то не логично ли было задуматься о продолжении — от Карпат до Урала? Замечательно,

что такой проект уже обсуждают историки СНГ. Но это не только их личное дело. Вопрос в том, какие полномочия они получают от национальных академий наук, от политического руководства своих стран. Как бы там ни было, начало положено, остается продолжать.

По-моему, не стоит задаваться целью «сдвинуть гору» одним рывком, лучше продолжать малые дела. Два года назад на Экспертном совете в нашей газете мы задали своим гостям вопрос: «До какой же степени можно фальсифицировать науку, тем более когда речь идет о школьных учебниках, которые на всю жизнь могут оставить у человека искаженные представления об отечественной истории?» Вот как ответил нам академик А. О. Чубарьян: «Единственное средство борьбы — издавать большими тиражами правдивые книги. Стремиться к тому, чтобы они обязательно попадали в школьные библиотеки. У государства должна быть своя политика на книжном рынке. Если есть хорошая книга о Великой Отечественной войне, ее надо выпустить хотя бы и стотысячным тиражом, и если надо, пусть государство доплатит. Тем более что это деньги налогоплательщиков».

В самом деле, не пора ли дотошно разобраться в состоянии библиотечного дела в нашей стране? Мы добились нового порядка в рекомендациях и отборе школьных учебников, это было очень важно. Правительство наметило программу подключения к Интернету всех учебных заведений, вплоть до сельских школ, и эта программа планомерно проводится в жизнь — тоже очень важно, ведь без информационных ресурсов Всемирной паутины современное образование невозможно представить. Но в России всегда была высокая культура чтения, а в последние годы, к сожалению, мы ее утратили. Думаю, восстановить и сохранить эту традицию, вернуть школьным, сельским, районным библиотекам бывший статус «очагов культуры» — одна из самых настоятельных потребностей нашей культуры и одно из тех конкретных малых дел, которое «Российская газета» с удовольствием взяла бы на себя при активном содействии Лихачевских Международных научных чтений.

На полках наших библиотек до сих пор стоят книги, которые могут оставить весьма одностороннее представление о национальной истории. Зато целых разделов истории там недостает.

Сейчас мы переживаем «эпоху юбилеев» — уже «на носу» 65-летие Победы, а за ним 100-летие обеих русских революций. Поскольку с этих революций и начался XX в., несколько слов о них.

«Предисловие» к этой крупной дате отечественной истории состоялось в прошлом году, когда Февральской революции 1917 г. исполнилось 90 лет. «Российская газета» напечатала на своих страницах и издала отдельной брошюрой статью Солженицына «Размышления над Февральской революцией». Она была написана как бы на полях его «Красного колеса», но поскольку это публицистика, а в «Красном колесе» история осмыслилась художественными средствами, писатель, в конечном счете, решил издать ее отдельно. Так, исключенные из эпопеи главы стали жить собственной жизнью. Их публикация в 2007 г. вызвала широчайший общественный резонанс. Авторы, взявшие слово в по-

следующей дискуссии, высказали далеко не всегда совпадающие точки зрения, и это нормально. Кто-то из них считает, что Февральская революция была бескровной, другие привели весьма серьезные доводы, что это, к сожалению, было не так. Сам автор думает, что данная революция ничего не дала России, кроме того, что вызвала Октябрьскую революцию и на 100 лет ввергла страну в хаос. Однако многие оппоненты убеждены, что в 1990-х гг. Россия вернулась именно к Февралю. Кто-то продолжает считать Октябрьскую революцию лишь политическим переворотом, как поначалу думали и сами большевики, кто-то, напротив, убежден, что верхушечным и крайне несчастливым для России явился именно февральский переворот, потому он и вызвал следующий акт революции, на сей раз социальный. Важны не отдельные точки зрения, а сам факт серьезной общественной дискуссии, которая позволяет назвать правду — правдой, миф — мифом и тем самым помогает миллионам наших читателей ориентироваться в отечественной истории не на ощупь, не под влиянием случайно услышанного или прочитанного мнения, а критично, взвешенно, самостоятельно, наконец.

Начиная дискуссию со статьи такого именитого автора, мы исходили из убеждения, что она поможет преодолеть искусственно созданный советской историографией вакуум в массовом сознании, связанный с Февральской революцией и эпохой, которая ей предшествовала. Обратите внимание на такую странность: во всех странах мира стоят памятники героям Первой мировой войны, а в нашей стране их никогда не ставили. Вообще эта война, поскольку она привела к революции, у нас всегда была непопулярна и в памяти уже четвертого поколения воспринимается так же, как воспринималась современниками. Надо ли это восприятие менять?

Вот, вкратце, ответ историков, которым мы задавали этот вопрос: менять не нужно, нужно объяснить. По идеологическим понятиям советского времени война лишь «обострила» революционную ситуацию в стране, но не она ее вызвала. Российская историческая наука сегодня придерживается другой концепции: Октябрьская революция явилась прямым следствием Первой мировой войны. Именно ее всенародное неприятие, полное отсутствие патриотического подъема в стране и привело к революционному взрыву. Короче, в массовом сознании России эта война никогда не принадлежала к числу «святых тем». Так что памятники ставить поздно — рядовые герои давно забыты, а высшие представители власти не заслужили их ни в годы войны, ни, тем более, в Феврале. Так думает и Солженицын: «Февральской революцией не только не была достигнута ни одна национальная задача русского народа, но произошел как бы национальный обморок, полная потеря национального сознания. Через наших высших представителей мы как нация потерпели духовный крах».

Можно ли согласиться с таким категорическим утверждением? А. Н. Сахаров, директор Института российской истории РАН, привел убедительный список политических завоеваний, которыми Россия обязана именно Февралю: Временное правительство впервые провозгласило Россию республикой; подтвердило свободу слова, печати, союзов,

собраний, стачек; отменило сословные, вероисповедальные и национальные ограничения; объявило о полной амнистии политических заключенных и отмене смертной казни; начало подготовку к Учредительному собранию на основе всеобщего равного прямого тайного голосования; заменило полицию народной милицией и ликвидировало жандармерию; провозгласило автономию Финляндии; приняло декларацию о независимости Польши; вернуло церкви право на самоорганизацию и т. д. Впечатляющий список! Но едва ли не больше поражают выводы историка: «Россия стала самой свободной страной в мире», «В 90-е годы практически мы вернулись к февралю 1917-го и от него начали движение и — хорошо ли, плохо ли — продолжаем его сегодня».

Кажется, ни один тезис здесь нельзя оспорить, но послушаем другую точку зрения, высказанную политологом Вячеславом Никоновым. Он написал в газету 14 пунктов на тему «Почему за несколько дней была разрушена российская государственность». В 1917 г., по его мнению, в России не было предпосылок для революции, кроме общей бедности основной части населения, но это в России было всегда, и необычайно активной и оппозиционно настроенной олигархической элиты вместе с фанатичными революционерами из числа интеллигенции. Российский государственный строй уже не был самодержавным, император не обладал абсолютной властью, не мог законодательствовать помимо Госдумы, хотя она с первых дней создания представляла собой не столько законодательный орган, сколько антиправительственный митинг.

По законам 1906 г. — свобода слова, вероисповедания, печати, собраний, создания союзов, права на выбор места жительства, свободный выезд за границу и др. И вот, пожалуй, главное: «Временное правительство в здравом уме и твердой памяти самостоятельно ликвидировало весь государственный аппарат России, оставив потом большевиков с их идеей слома старой государственной машины практически без работы».

Кто «более прав»? На то и полемика, чтобы не ставить заключительную точку, пусть это сделает сам читатель в соответствии со своими убеждениями или даже по интуиции. Для нас важнее другой вывод из состоявшейся дискуссии. Мы стали лучше понимать, что прошлое в нашей истории — это не просто «милая старина» или «окаянные дни», и не что-то, безвозвратно канувшее в вечность, а некий алгоритм, который дает о себе знать сегодня, даст о себе знать и завтра. Не случайно при таком разбросе мнений все участники нашей дискуссии безоговорочно сошлись в одном: события в России всегда развивались в соответствии с духом ее цивилизации.

Кстати, философы и религиозные мыслители разных эпох давно пришли к выводу, которым ни одна культура не вправе пренебречь. Оказывается, вплоть до XIX в. людям был свойствен страх перед прошлым, в котором уже ничего нельзя изменить, именно поэтому спасение человека, временного существа на земле, мыслилось как приобщение к вечности, у которой прошлого нет. А современный человек, выросший в условиях прогресса и не питающий иллюзий о вечности вневременной жизни, куда

больше страшится будущего, всех этих научно-технических новинок, которые с космической скоростью переворачивают его жизнь. Зато меняется отношение к прошлому. Оно все больше воспринимается как зона покоя, осмысления опыта предков, наследования традиций. Но это так лишь при одном условии: если с прошлым обращаться крайне бережно, оценивать его достоверно, беспристрастно, не подвергая внезапным идеологическим переосмыслениям, которые лишь разрывают связь времен и поколений. Не это ли имел в виду академик Лихачев, предложив учредить специальный термин «экология культуры»? И разве не вправе мы предположить, что его составной частью он, несомненно, считал также «экологию памяти»? Оберегать прошлое от искажений, стараясь понять его таким, каким оно было в действительности, — значит оберегать и свое будущее, которому ничто не угрожает так, как беспамятуство. В этом урок нашей российской истории, который мы наконец-то, кажется, выучили: прошлое всегда актуально. Оно актуально и в том случае, когда вызывает сожаление, досаду. Но еще актуальней, когда в коллективной памяти народа живет как «святое».

Фальсификации в трудах советских историков вытекали из ее методологии, взятой на вооружение еще в 1930-х гг. «История — это политика, опрокинутая в прошлое», — таким был ее официальный тезис, провозглашенный известным историком М. Покровским. Другими словами, предлагалось судить о прошлом по меркам и нуждам своего времени. И все-таки не случайно поговорка о том, что прошлое нашей страны непредсказуемо, родилась совсем недавно, уже в 1990-е гг., после распада СССР. Такого насилия над исторической правдой, такого потока «исторической публицистики», которая пишется без малейшей сверки с архивными документами, такого фанатичного мифотворчества наша историческая наука еще никогда не знала. Не приходится даже говорить о методологии, а если все же попробовать ее определить, то, пожалуй, вернее всего так: ни сдержек, ни противовесов.

На страницах сборника VI Лихачевских чтений мне попалось на глаза странное выражение «перепроизводство истории». Как можно произвести истории больше, чем ее было в действительности? Это же не сталь, которой можно сварить больше или меньше, не хлеб, урожай которого зависит от погодных условий. Но подойдите к полке исторической литературы, и смысл этого выражения откроется сполна. Речь на самом деле идет о перепроизводстве недобросовестных исторических версий и даже просто мифов, причем в таких тиражах, о которых серьезные исследователи могут только мечтать. Отечественные авторы возлагают на Россию обвинения чуть ли за весь ход истории XX в. Они уже добились такого обильного цитирования на Западе, где их беллетристику охотно возводят в ранг «первоисточников», что теперь их точки зрения выглядят как бы исходящими от самой России. Вроде ее покаяния за революцию, войны, голодоморы, коллективизацию, индустриализацию, колхозный строй, поднятую целину и даже за нечаянную победу в Великой Отечественной войне.

Дошло до того, что накануне 60-летия Великой Победы около 100 европейских депутатов обратились

к Президенту РФ В. В. Путину с просьбой отменить юбилейные торжества в Москве на том основании, что, мол, у России нет заслуг в достижении Победы во Второй мировой войне. Это заявление было сделано в ответ на приглашение их российским руководством принять участие в торжествах. Ну что ж, Москва обошлась без этих господ. Если кто и заметил их демонстративное отсутствие на Красной площади, так только они сами.

Однако нельзя не задуматься: может быть, эти народные избранники Европы вообще не слышали о битве под Москвой, о Сталинградском сражении, о Курской дуге, о том, что наш народ заплатил

29 млн жизней за мир, свободный от фашистской чумы? Исключено. Все это они знают. Ведь и на Западе много серьезных историков, которые не позволяют себе смешивать научные исследования с идеологическим вздором.

Вот почему так нужны дискуссии, помогающие пролить свет на наше актуальное прошлое. Вот почему так важны вариативные, но честные учебники, которые даже при разном отношении к прошлому учили бы его уважать. Вот почему так неотложна необходимость пополнить наши школьные библиотеки книгами, которые несут правду истории.